

С.А. ГОЛУБКОВУ – 75!

DOI 10.37386/2305-4077-2022-3-219-225

М. А. Перепелкин¹

*Самарский национальный исследовательский университет им. акад.
С. П. Королева*

РАСПИСАНИЕ НА СЕГОДНЯ

С Сергеем Алексеевичем Голубковым мы знакомы ровно двадцать лет. В течение двадцати лет он заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, а я – учился в аспирантуре, а потом работал в должностях ассистента, старшего преподавателя, доцента и, наконец, профессора этой же кафедры. Мы учили одних и тех же студентов, часто читали одни статьи и книги, участвовали в конференциях, бывали в командировках, пили – не только воду, хоронили дорогих нам людей, обижались и прощали друг другу. Двадцать лет я учился у Сергея Алексеевича – общаясь и читая, соглашаясь с ним и возражая ему, на занятиях и между ними. А сегодня – время оглянуться и поговорить о некоторых из этих уроков.

На фото: С. А. Голубков

Урок первый. История

Пусть простит меня литература, но сейчас не о ней. Сейчас – об истории, которая не где-то далеко, а здесь, рядом, в крови и печёнках. И прадед – георгиевский кавалер, и дед, окончивший питерский Горный, и бабушка-гимназистка. Близкие и дальние, ещё ближе и почти седьмая вода на киселе, – и все они, родные и троюродные, связывают его с этой самой историей. А он, С. А. Голубков,

¹ Михаил Анатольевич Перепелкин – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского научно-исследовательского университета им. акад. С. П. Королева

эту связь не скрывает и не афиширует, – она для него совершенно органична, и он ею живёт.

Есть люди, прячущиеся от исторических вихрей, делающие вид, что их для них не существует. «Который час? – его спросили здесь. И он ответил любопытным: вечность». Пусть так, пусть для кого-то – вечность. Он – не из них, не из «их числа». Нет, С. А. Голубков открыт истории, часто и оправданно обращается к ней в своих работах, объясняя историческими обстоятельствами сюжетные коллизии и характеры героев произведений русских писателей, а во многом и сам объясним этими же обстоятельствами.

Появившийся на свет через два года после конца войны, в 47-м, он вполне мог бы ещё назвать себя ребёнком – нет, не войны – Победы. Да, карточки, да, бедность, больше похожая на нищету, но всё равно – Победа. И он родился не воевать, а созидать и радоваться. День за днём, кирпичик к кирпичику, буква к букве. И созидает по сей день – радуясь своим удачам, а ещё больше – успехам тех, кто занят этим, созидательным, трудом вместе с ним.

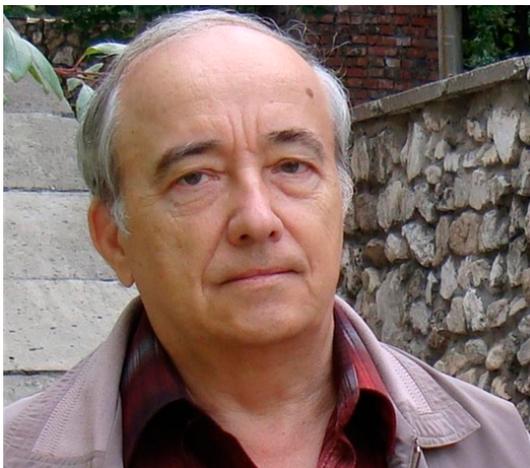
И ещё об истории. Будете в Музее-усадьбе А. Н. Толстого, остановитесь перед домом в глубине двора, на втором этаже которого жил с родителями будущий писатель. Справа от мемориальной доски, напоминающей нам об этом, увидите клеймо «первого в России страхового общества, основанного в 1827 году». Редкое клеймо, такое ещё поискать. Лично я больше нигде в Самаре таких и не видел. Посетители музея подолгу его рассматривают, фотографируют на память и удивляются, как могло сохраниться это клеймо на доме, где десятки лет находились коммуналки. Открою секрет: не могло и не сохранилось. Вернее – сохранилось, но совсем на другом доме, том самом, где прошло детство С. А. Голубкова. И это он заботливо снял его со своего дома, обречённого на снос, и отдал директору музея М. П. Лимаровой – такой же труженице и созидательнице, как и он сам.

Вот вам и история – дальняя и близкая.

Урок второй. География

А теперь о географии. И опять – по той же самой причине: потому, что она – не где-то далеко, а здесь, рядом. И ещё потому, что она многое обуславливает и объясняет, стоит только внимательно присмотреться ко всем его меридианам и параллелям, – и вот он, Сергей Алексеевич Голубков, родившийся и выросший там, где когда-то располагались Молоканские сады, на улице, которая так часто меняла названия, что узнай об этом немец или француз, у любого из них в тот же миг ум зашёл бы за разум. У них – зашёл бы, а у нас – нет, стоит себе на месте и никуда не заходит. Если не ошибаюсь, когда-то эта улица была Никольской (это ещё по старой, монастырской, памяти), потом стала носить имя Рыкова, ещё позже – Ежова (или сначала Ежова, а потом Рыкова? – смотря кого из них расстреляли первым), наконец, чтобы наверняка, – Полины Осипенко. Школа неподалёку (нынешняя семинария на Сергия Радонежского), пединститут на бывшей «графы», а нынешней – просто Льва Толстого, университет на Потапова, которая тоже, между прочим, «бывшая» какая-то Радиальная... Вот и всё так: география, история, снова география и опять история.

В одной из своих работ М. М. Бахтин пишет о том, что Гёте обладал особого рода зрением: он видел мир как прорастающее зерно. Любая вещь, явление интересовали его постольку, поскольку он различал в них корни этих вещей и явлений, их вызревание и связь с другими, порой – весьма далёкими. Думаю, не ошибусь, если скажу, что и у С. А. Голубкова похожее, гётевское, зрение. Мы были вместе несколько раз в Москве, в Петербурге, сворачивали, как поёт небожитель, «на Невский с Тверской», и каждый раз я узнавал от С. А. Голубкова десятки интереснейших – больших и маленьких – историй о домах, архитекторах, жильцах и постояльцах. «Сергей Алексеевич, откуда Вы это знаете?» – «Всё просто, – признался Сергей Алексеевич. – Когда я бывал на ФПК («факультет повышения квалификации» – была когда-то такая полезная штука), с утра ходил на занятия или работал в библиотеках, а вечером, вооружившись книгами по истории той же Москвы, бродил по городу, осваивая квартал за кварталом и улицу за улицей...». Вот так же он осваивал Болгарию, где преподавал русскую литературу, Соединённые Штаты, куда ездил погостить к сыну и его семье, Германию, где был в служебной командировке.

На фото: С. А. Голубков

Но сначала – всё-таки не они. Сначала – совсем другие параллели и меридианы. Совсем другие. Я понимал это и раньше, но ещё лучше понял, побывав у С. А. Голубкова в гостях. Первое, что он сделал, подвёл к окну, за которым, ограниченная по ближнему краю бывшим королевством Альфреда фон Вакано катил свои волны Волга – бывшая, настоящая и, хочется верить, будущая, главная параллель и главный меридиан самарского уроженца и преданного волжанина С. А. Голубкова.

Урок третий. Физика

С. А. Голубков окончил школу с золотой медалью и, выбирая будущую профессию, по его собственным словам, раздумывал, по какому пути пойти – физика или лирика. Победило второе, но и первое не исчезло без следа, не выветрилось. И дело совсем не в транзисторных приёмниках, дело – во взгляде на мир,

в его, мира, ощущении. Вот здесь-то и даёт о себе знать эта самая физичность С. А. Голубкова, доверяющего зрению, осязанию, чему угодно, но – состоящему из материи и материей исчерпывающемуся. Человеческая физика несовершенна, но физика как таковая, физика, вмещающая в себя все известные и ещё не известные человеку возможности, – практически божественна. С. А. Голубков рассказывает о ней увлечённо, следит за открытиями, радуется расширению границ человеческого представления о мире. Всё остальное, может быть, и допускает, но, кажется, не принимает всерьёз. Любые «мета» – это не про него. Больше того, даже самое «мета», позаимствованное им из работ Дмитрия Замятина, который соединил его с географией, образовав таким образом термин «метагеография», понимается им физически: было, исчезло, сохранилось и живёт в памяти.

Помню, на одной из конференций С. А. Голубков делал доклад об Арсени Тарковском, а я слушал его и недоумевал: почему-то «его» Тарковский очень сильно отличался от «моего». В чём дело, как это может быть? Да вот так, очень просто. Тарковский С. А. Голубкова – это Тарковский, прочитанный не «мета», а самым настоящим, убеждённым «физиком», верящим, может быть, и не в совершенство, но – в многогранную сложность мастерской по имени «природа».

Впрочем, С. А. Голубков – совсем не Базаров. Никого не переубеждает, ни с кем не спорит: «Думаете по-другому? Думайте, это ваше право. Сомневаетесь? Сомневайтесь». Потому что физика С. А. Голубкова – физика сосуществования разных миров, физика диалога и взаимоуважения.

Урок четвёртый. Биология

Было время, когда в квартире Голубковых жили змеи. Ядовитые, разные. Случалось, что они расплозились, каким-то чудом выбирая из террариумов. И тогда Голубковы – Сергей Алексеевич и Людмила Афанасьевна, – вооружившись подручными средствами, искали с ними общий язык. Потом приезжал сын, знающий, что делать, и в квартире водворялось полное спокойствие и гармония.

Сын С. А. и Л. А. Голубковых – Владислав Сергеевич, «Владик», как называет его любящий отец, защитил кандидатскую диссертацию по биологии (на профессиональном сленге – стал «кабаном») в Пущино и сегодня живёт с семьёй за границей. Так что змеи в квартире Голубковых на улице Чапаевской сегодня не живут, и террариумов тоже нет. Может быть, это и хорошо, ведь змеино-го языка Голубковы так и не выучили. Впрочем, вполне вероятно, что здесь дело в способностях, а вернее – в неспособностях. Ну, не выучивается, и всё тут. Видимо, другая биология – ничуть не ядовитая. Как ни напрягайся, а представить себе С. А. Голубкова приготовившимся к нападению, вонзившим жало, душащим в смертельных объятиях – невозможно. Да, это, разумеется, она, биология. И ничего с ней не поделаешь, нечего и пытаться.

И ещё о биологии Голубковых (и здесь, насколько я могу судить, Людмила Афанасьевна тоже полностью совпадает со своим супругом). Как-то супруги Голубковы приехали на отдых – может быть, в Кисловодск, может – куда-то ещё, это не так важно, и остановились у квартирной хозяйки, с гордостью объявившей им, что до них у неё жил ДОЦЕНТ! Говорила она это так, как будто была хозяином того самого кафе, в которое не раз и не два заходил Хемингуэй. Доцент! Это

вам не хрен с редькой. Доктор наук, профессор и заведующий кафедрой Сергей Алексеевич Голубков скромно промолчал, согласившись с хозяйкой, мол, да, доцент – это да! И это тоже биология.

Как-то С. А. Голубков рассказывал, что, бродя однажды среди надгробий на одном из старых московских кладбищ (Ваганьковское или Новодевичье, или – какое-то ещё), увидел на одном из них такую надпись: «Имярек... даты жизни... Директор». Директор чего, кого – неизвестно. Директор! Личина прилипла к человеку; должность, вписанная в билет через московский Стикс, вытеснила всё, что было человеческого в этом директоре и чем был он сам. Заведующий кафедрой С. А. Голубков никогда таким «директором» не был, – он работал заведующим, становясь им в рабочие часы и переставая им быть после них. Максимальная простота, максимальная доступность. Единственный значимый профессиональный критерий – научная состоятельность собеседника.

Урок пятый. Геометрия

Помните? Треугольники, квадраты, прямые углы, тупые, острые. Сумма всех углов треугольника... Впрочем, вот их-то, этих самых углов, у него, С. А. Голубкова, и нет. Ну, или – почти нет. Иногда это ставит ему в вину, чаще – за глаза. Дескать, слышаком компромиссен. Не борется. Не отстаивает позиции. Не защищает. Соглашается. Круг. – Круг? Пусть так, есть такая фигура. Да, без углов. Да, без заострения противоречий и без радикальных решений. Потому что – другая геометрия.

Геометрия С. А. Голубкова – геометрия свободы и равных условий для всех, с кем он работает и кем руководит. Без «особых случаев». Без любимчиков и приближённых. Без интриг и сложных шахматных партий. Наверное, у этой геометрии есть свои минусы. «Развёл демократию!». «Мог бы и приструнить!». «Здесь нужна жёсткая рука!». Рука С. А. Голубкова – не «жёсткая», но именно она за двадцать лет руководства университетской кафедрой (а до этого – за многие годы деканства и руководства кафедрой в педагогическом институте) создала многое из того, что есть сегодня филология в Самаре.

И ещё о геометрии. Прямые линии, косые, пунктиры... Если говорить об С. А. Голубкове, то здесь – ни косых, ни пунктирных. Не знаю, есть ли они вообще в его характере, возможно, тем, кто знает его дольше и лучше меня – виднее, но, с моей точки зрения, его геометрия – геометрия прямых линий, чётких и ясных. Если вы слышали научные доклады или другие выступления С. А. Голубкова (а выступает он много и часто – в школах, в библиотеках, в литературном музее – везде, куда его приглашают и где рады видеть), вы, конечно, помните интонационный рисунок этого выступления – чёткий, ясный, с подчёркиванием значимых мест, с паузами и акцентами на цитатах из художественных произведений, которые докладчик произносит с особым удовольствием, вспоминая, видимо, школьный драмкружок и свои роли в тех далёких спектаклях. Так же чётко и ясно «интонированы» и принадлежащие С. А. Голубкову тексты – с курсивом, разрядкой и жирным шрифтом. Доклады, адресованные слушателю. Статьи, ценящие своего читателя. Такая геометрия – без острых углов и многозначных туманностей.

Урок шестой. Музыка

«За музыку только дело». Что ж, за музыкую – так за музыкаю. Его, С. А. Голубкова, музыку я слышу всякий раз, когда еду на трамвае по ныне шумному проспекту Ленина мимо вытянувшегося от Осипенко до Первомайской «козловского» дома. «Осторожно! Двери закрываются. Следующая остановка...». Стоп! Это сегодня здесь закрываются двери, в которые входят и из которых выходят люди. А когда-то на месте этого самого дома и трамвайной линии текла совсем другая жизнь, стояли маленькие домишки, в одном из которых жил с мамой и бабушкой совсем ещё юный Серёжа Голубков, и из окна которого лилась та самая музыка небольшого кабинетного рояля «Шрёдер». Бетховен, Шопен, Чайковский, Рахманинов. Камерная музыка, под тихие звуки которой рос и формировался такой же камерный – скромный, гармоничный и невоинственный – человек, выбравший дорогу служения слову.

Ещё недавно эта камерность ценилась, и в Самарском государственном университете понимали, что именно она, а не громкие партийные трубы и комиссарские барабаны, и есть и «залог развития», и «гарантия стабильности», и – главное условие диалога. Но пришли другие времена, и загремела другая музыка. Совсем не Бетховен и не Рахманинов, и даже – не Вертинский. Историю с литературой подвинули назад, вглубь огромного комода, скромность и камерность сдали в утиль, а академический критерий заменили принципом партийной чистоты и «личной преданности». И профессор Голубков начал собираться – быстро, решительно, безоглядно. И ушёл с должности заведующего за полгода до семидесятилетия – чтобы сберечь музыку, ту самую. А вот всё прочее – не важно, не стоит о нём и думать.

Урок седьмой. Литература

«Всё прочее». Нет, это у Верлена – «всё прочее». А у С. А. Голубкова – «всё непрочее». Совсем «непрочее». Я – не про диссертации и не про книги, вообще – не про то, что попутно, вместе. Я – о том, почему. Почему С. А. Голубков стал литературоведом, зачем ему литература и зачем он ей – литературе?

На первый вопрос я не отвечаю, не знаю. Знаю, что учительницей литературы в 29-й школе, где учился С. А. Голубков, была дочь расстрелянного в 37-м году писателя и литературного критика Якова Брауна С. Я. Рязанова, по словам Сергея Алексеевича, горячо любившая и артистически преподававшая свой предмет. Знаю про институт и аспирантуру, где научным руководителем начинающего исследователя С. А. Голубкова был легендарный (для меня – легендарный!) И. М. Машбиц-Веров (встречался с Маяковским, видел Блока, сел в 37-м, вышел на свободу в 53-м). Читал про комическое у Алексея Толстого, про антиутопию и Замятина, про Дон Аминадо и Сигизмунда Кржижановского... Но ответить на вопрос, почему С. А. Голубков стал литературоведом, не могу – не знаю, не спрашивал, не пришлось.

А вот на два других вопроса ответить попробую.

Зачем С. А. Голубкову литература? Она расширяет его физику и историю с географией, и биологию, и всё остальное. Бродя по коридорам и лестницам литературного дома, забираясь на чердаки и в чуланы, он отыскивает

в них заждавшихся его «провиденциальных собеседников» (О. Мандельштам), тех, с кем он связан «родством по духу». И они радостно устремляются к нему навстречу – делятся заветным, советуются, ищут сочувствия, приходят на помощь. Не скопивший никаких материальных благ и даже никогда не стремившийся к этому, живущий в доставшейся ему от государства в обмен на сломанный домик «двушке», профессор С. А. Голубков ощущает себя богатейшим человеком, ведь у него есть такие собеседники, о которых можно только мечтать.

Нельзя назвать праздным и другой вопрос: зачем нужен он, учёный Голубков, литературе? Вопрос это непростой, и многие, выбравшие когда-то литературу в качестве профессии, я думаю, боятся этого вопроса в отношении себя. А ну как – незачем? Титулами ведь тут не прикроешься и за регалиями не спрячешься.

У меня есть ответ на этот вопрос, и я думаю, что тем, кто хотя бы изредка берёт в руки эту газету, он, в целом, очевиден. Учёный С. А. Голубков необходим литературе как внимательный читатель десятков самых разных книг, которые он читает осмысленно и щедро делясь своими наблюдениями и впечатлениями с другими. Откройте любой номер «Культуры» и убедитесь в этом – статьи С. А. Голубкова печатаются почти в каждом.

Меня всё время удивляла и восхищала эта читательская всеядность и даже жадность С. А. Голубкова. О каком бы авторе вы не заговорили с ним, почти наверняка услышите примерно следующее: «Да, я прочитал четыре (пять, шесть...) его (её) романов (повестей, сборников рассказов...)». И причина у этой всеядности одна: профессиональный читатель С. А. Голубков считает себя не вправе не знать чего-то существенного из того, что происходит сегодня с художественным словом, чем оно живёт, на что способно и на что – не способно. Мне кажется, что это – очень много, и, встретиться когда-нибудь С. А. Голубков с литературным богом, ему не пришлось бы отводить глаза. «Здравствуйте, г-н Бог. Что могу сказать в своё оправдание? Работал честно, прочитал тысячу романов. Тысячу и один».

Но это – когда-нибудь в очень далёком будущем. А пока прочитано только пятьсот из них. Ну хорошо, пятьсот один. И это значит, что ещё читать и читать, думать и думать, жить и жить.

С. А. Голубков родился в августе – за неделю до того самого, пастернаковского, «шестого августа по-старому». Солнечный месяц, приближающийся Яблочный Спас, каникулы в школе, каникулы в университете. Поздравляют только близкие, все остальные – потом, в сентябре. Так у всех «летних людей». Так и у него, летнего человека Сергея Алексеевича Голубкова, эти юбилейные заметки о котором я пишу за тысячи километров от Самары, чтобы потом, вернувшись, снова встретиться с ним на большой перемене и услышать по-летнему тёплое «что новенького?».

Барселона – Самара, август 2017